

NON
FICTION **History**

Оливье Буке

Великолепная Порта

Шесть веков
Османской
империи

Колibri

Москва

УДК 94(560)
ББК 63.3(5Туц)
Б90

Olivier Bouquet
POURQUOI L'EMPIRE OTTOMAN?
Six siècles d'histoire

Перевод с французского
Аллы Беляк (главы 2–4),
Екатерины Гусаковой (введение, пролог, главы 1, 5, приложения)

Разработка серийного оформления Дмитрия Черногаева

Буке О.

Б90 Великолепная Порты : Шесть веков Османской империи / Оливье Буке ; [пер. с фр. А. Ю. Беляк, Е. Е. Гусаковой]. — М. : Колибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. : ил. — (Колибри NonFiction).

ISBN 978-5-389-28492-0

Полная тайн и противоречий, Османская империя простерлась на десятки тысяч километров вдоль границы Востока и Запада. Она оказала колоссальное влияние на историю Европы, будучи совсем на нее не похожа. Сравнимая по масштабу с Римской империей, к концу XVI века она занимала три континента и объединила под своей властью множество языков и народов: ее подданными были албанцы, армяне, греки и многие другие. Падение Константинополя и войны с Российской империей, религия и искусство, первые кочевые поселения сельджуков и создание Турецкой Республики, Осман I и Ататюрк — стремясь понять эту удивительную страну, французский историк Оливье Буке создал подробнейший портрет Блистательной Порты и шести столетий ее истории.

«Как султаны смогли, нагнав страх на Вену и внушив ужас папским легатам, распространить ислам в Центральной и Восточной Европе — на территориях, которым он был совсем чужд? Как получилось, что они продержались почти половину тысячелетия? Как удалось создать государство, ставшее последним имперским образованием в Восточном Средиземноморье и воплощением мусульманского универсализма? Эти вопросы задает ставшая частью долгой истории исламских народов османская эпоха» (Оливье Буке).

УДК 94(560)
ББК 63.3(5Туц)

ISBN 978-5-389-28492-0

© Editions Gallimard, Paris, 2022
© Беляк А. Ю., перевод на русский язык, 2024
© Гусакова Е. Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Колибри®

Пролог

Османское своеобразие

Основанное в 1299 году и просуществовавшее вплоть до 1922-го, Османское государство было одним из крупнейших политических образований Нового времени. В конце XVI века его территория простиралась на три континента (Африка, Азия, Европа): от Йемена до Боснии, от Крыма до Судана, от Алжира до Ирака. В зависимости от приписываемых границ оно занимало почти треть или четверть площади Европы. Именно Османское государство стало последней империей Ближнего Востока.

Будущая империя зародилась как полукочевое вожжество, или бейлик (*beylik*): после падения династии Сельджукидов в Анатолии осталось множество подобных государственных образований. В ходе вторжений пришедших из Центральной Азии в первой половине XI века тюркских племен господствующее положение в Иране, Ираке и Сирии заняли Великие Сельджукиды, тогда как в Анатолии потомки их боковой линии основали Румский султанат. Расположенное в Вифинии, к юго-востоку от Пропонтиды (Мраморного моря), небольшое османское княжество поглотило соседние государства менее чем за два века. Его правители успешно развивали военное дело и создали централизованную систему сбора налогов.

При этом молодое государство сохраняло большую часть обычаев и традиций захваченных территорий, продолжая сотрудничать с подчинившейся ей местной властью. Глава бейлика уподоблял себя Великому Сельджуку: заимствовав его титул и некогда возложенную на него миссию, расширить границы мусульманского мира в Европе.

История Османской империи тесно связана с историей Европы. Во второй половине XIV века турки переселились на Балканы. Вслед за Омейядами из Кордовы они основали исламскую империю, ставшую последней подобной империей в западной истории. В 1475 году европейская часть империи обеспечивала 81 % дохода в имперскую казну [1]. В 1512 году примерно 55 % османского населения проживало к западу от Константинополя [2]. «Город, которого желает весь мир» [3] насчитывал от 40 000 до 50 000 человек и по-прежнему процветал, оставаясь ведущим культурным центром. Константинополь считался святыней: в 672 году здесь умер сподвижник Пророка Айюб аль-Ансари. Четыре попытки османских войск взять столицу в период с 1394 по 1422 год потерпели неудачу. Только 29 мая 1453 года, после 54 дней изнурительной осады, новый султан Мехмед II прорвался через неприступные стены. На протяжении всей османской эпохи Константинополь оставался «Константинией», однако приобрел и новые имена — «Истамбол», что означало «наполненный исламом», и искаженная форма «Стамбул», всепоглощающая столица империи.

1453 год был ознаменован новым *translatio imperii*¹: «султан византийских земель» (Румский султан; *sultan al-Rûm*) заявил свои права на римское наследие. Мехмед II Завоеватель представлял себя новым Цезарем и мечтал походить на Александра Македонского. Его потомки фактически воссоздали границы Византийской империи при Юстиниане. И если на западе Мехмеда изгнали с Итальянского полуострова после

¹ Переход империи (лат.).— Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.

взятия Отранто (1480), то на востоке его преемники раздвинули границы бывшей Римской империи, покорив Хиджаз и Йемен. Титул Мехмеда сочетал в себе разные черты: римские (он считал себя императором), турецкие (называл себя сыном хана), персидские (шах) и исламские (глава военных походов, он же султан и гази (*ghâzi*; *gazi*). Современники-мусульмане восхваляли султана за воссоединение мусульманской общины и возобновление завоеваний земель неверных. Он был падишахом (верховным господином) ислама и властителем, стоящим выше других.

После победы над египетскими мамлюками в 1517 году султан стал главным преемником исламских империй раннего Средневековья. Отныне он звался «слугой двух святынь» Хиджаза; стал защитником паломничества (хадж; *hadj*), ежегодного каравана и его маршрутов; перевез мощи Пророка из Каира во дворец Топкапы в Стамбуле. Султан провозгласил свою власть в священных городах Ближнего Востока (Мекка, Медина, Иерусалим). В результате кампании 1534 года в Ираке он разместил там гробницы почитаемых суннитских праведников и важнейшие шиитские святыни (Кербела, Наджаф и Самарра). Султан владел фактически всеми блестящими метрополиями классического ислама (Каир, Дамаск и Багдад), способствовал развитию центров суфийской духовности (Конья, бывшая сельджукская столица), повелел построить религиозные архитектурные комплексы вокруг мечетей в Бурсе, Эдирне и Стамбуле.

Вплоть до падения империи султан предстал перед своими подданными главным поборником суннитского ислама: он продвигал идею единства мусульманской общины, отвергал шиизм («сторонников Али», зятя и двоюродного брата Пророка) и на протяжении более двух веков регулярно сталкивался с шиитским императором сефевидов. О важности исламской миссии свидетельствуют титулы Сулеймана

(1520–1566): «султан всех султанов мира» и «султан Востока и Запада», «тень Бога на земле» и «дарующий короны временным земным монархам». Сын Сулеймана, Селим II, восстановил Мекку, а также использовал трофеи с Кипра для финансирования строительства в Эдирне мечети Селимие — непревзойденного шедевра величайшего архитектора османской эпохи Мимара Синана (ум. 1588). Однако ни сам султан, ни его преемники не стремились примкнуть к «верховному халифату». Это слово начинает использоваться лишь в конце XVIII века в связи с конкретными политическими обстоятельствами — попыткой препятствовать экспансии России на восток. Редкое употребление понятия до XVIII века связано с рядом причин. С одной стороны, после взятия Багдада монголами в 1258 году Арабский халифат больше не считался основой всеобщего политического единства. С другой — во многих хадисах (*hadith*) создание халифата приписывается потомкам Пророка, тогда как султан не мог иметь отношение к генеалогическому древу куррайшитов.

Обычаи османов напоминают практики Омейядов или Аббасидов, первых арабских династий после смерти пророка Мухаммеда: в городах и селах, разбросанных на огромной территории, разрешалось «обсуждать вопросы богословия и права в соответствии с единой терминологией и сводом правил», «при совершении определенного обряда придерживаться правил той или иной юридической школы», «поклоняться могиле святого» и «собираться на пять ежедневных молитв». Все эти практики носили отпечаток «общих истории, культуры, повседневности и предрасположенности» [4]. Однако турецкая империя отличалась от арабской. Широко распространенный в Малой Азии, долгое время насаждаемый на Балканах, почти неиспользуемый на Ближнем Востоке и в Северной Африке, турецкий язык никогда не занимал таких же позиций, как

арабский в классическую эпоху. Он не был столь распространен ни в богослужении, ни в быту и являлся скорее языком администрации, общения визирей (вне зависимости от происхождения, будь оно албанским, хорватским или абхазским), а также языком ученой или, напротив, народной литературы. На турецком говорило большинство анатолийских и балканских мусульман.

Почему именно Османская империя?

Каким образом в раздробленной Малой Азии конца сельджукского периода османский эмир стал, цитируя произнесенные в 1331 году слова Ибн Баттуты, «самым могущественным из тюркских царей, превосходившим всех размером казны, числом городов и солдат» [5]? Как преемники эмира, султаны, смогли, дважды нагнав страх на Вену в 1529 и 1683 годах и внушив ужас папским легатам, распространить ислам в Центральной и Восточной Европе — на территориях, которым он был совсем чужд? Как получилось, что они продержались почти половину тысячелетия? Как удалось создать государство, ставшее последним имперским образованием в Восточном Средиземноморье и воплощением мусульманского универсализма? Эти вопросы задает ставшая частью долгой истории исламских народов и разнообразных обществ Малой Азии, Европы, Африки и Ближнего Востока османская эпоха. Специалисты предлагают множество ответов.

Исключительная территориальная экспансия стала возможна благодаря таким факторам, как существование могущественной армии, организованного командования и грамотного сбора налогов, которое обеспечивало нужды войска. С самого начала государству удавалось мобилизовать граждан на войну с помощью налоговых отчислений и уникальной системы централизованного учета доходов. Идеология завое-

вания, сочетая в себе чувство чести и тягу к наживе, а также идеализм и авантюризм, объединяла в борьбе с соседними эмирами. Султан успешно удерживал в своей власти разные земли, нередко заключая выгодные союзы с врагами. Органы центральной и региональной администрации добивались своих целей путем принуждения и переговоров, а также с помощью действующих на всех законов и правил, адаптированных к локальным особенностям. Обладавшая исключительными правами на землю, государственная власть устанавливала норму производства и цены на продукты питания. Она обеспечивала привилегированный доступ к стратегическому сырью, оставляя частным предпринимателям, торговцам и простым гражданам возможность производить и продавать то, что обеспечивало бы процветание страны.

Таковы принятые в историографии ответы на поставленные вопросы. Тем не менее они недостаточно характеризуют особенности Османского государства. Почему ученых, сведущих в религиозных науках, т.е. улемов, государство приравнивало к государственным служащим? Почему кади (*cadi*), первоначально являвшиеся судьями, также превратились в должностных лиц? Почему государственные рабы служили в армии на территории империи, а не только за ее пределами? Почему был введен отличный от шариата светский закон (*канун; kanun*)? Изучение своеобразия Османского государства подталкивает к тому, чтобы переосмыслить основные события его истории. Почему, будучи упорядоченной и мощной в начале своего существования, армия янычар стала непригодной и избыточной в XVII–XVIII веках? Почему некоторые формы защиты и терпимости оказались уничтожены процессами, характерными чертами которых стали высокий уровень насилия и жестокие репрессии [6]? Почему Османское государство совершило один из первых геноцидов XX века? Ответы на эти вопросы обнаруживаются в первую очередь в характерных чертах имперской системы: династическом центризме,

сильной государственной власти, мобильности. Подобный взгляд позволяет понять, почему османы пошли дальше своих предшественников или современников в изобретении новых форм управления. Рассмотрим пример янычар.

Широкая известность янычар обусловлена их военной эффективностью и склонностью к мятежам. Янычары стали не только блистательным воплощением меритократической системы, лежавшей в основе османского могущества, но также символом общества, разрушенного коррупцией и общим упадком государства. Появление янычар свидетельствует о серьезных переменах в средневековой практике вербовки военных рабов: в рабство попадали не только иностранные пленники (что соответствовало мусульманскому закону); служить шли молодые зимми (*zimmi*), то есть христиане или иудеи, подданные султана, насильственно обращенные в ислам. Именно отлучение детей от родителей (девширме; *devşirme*) и навязанное им отступничество от веры рисуют черный образ великотюркской монархии. Некоторые авторы, например Идрис де Битлис (ум. 1520), утверждают, что, поскольку большая часть покоренных народов была подчинена силой, их порабощение и обращение в ислам являлось вполне законным [7]. Однако этот довод не способен объяснить все: в административной документации на зимми распространялись все обязательства, ограничения и гарантии, связанные с их статусом, начиная с одного из основных элементов превосходства ислама над «людьми Писания»: подушной подати. Она позволяла им — в зависимости от того, как смотреть на вещи — оставаться свободными или находиться под защитой султана. Тем не менее, лишаясь своих детей, подданные-немусульмане будто вновь становились «побежденными, подчиненными законам войны во всей их суровости» [8].

Почему же османы отошли в этом вопросе от обычаев предшественников, которые, еще со времен династии Аббасидов, комплектовали свою армию из иноземных пленников? Поче-

му нововведение османов легло в основу их политической системы? Следует отметить, что до конца XV века высшие сановники в основном являлись тюрками, тогда как в следующем столетии и до начала XVII века они в подавляющем большинстве происходили из девширме или из пленников, захваченных во время столкновений на лимесе (Босния, Венгрия или Польша-Литва). Почему же турки перестали управлять Турецкой империей?

Ответы на эти вопросы трудно отыскать в османских источниках [9]. Однако, читая свидетельства иностранцев и более поздние документы, мы можем выдвинуть гипотезу. По-видимому, верность новообращенных государственных рабов подкреплялась их рвением: в отличие от сыновей из турецких семей, которые могли превратить привилегии, полученные в верхних эшелонах власти, в незаконную прибыль семьи, клана или рода, новообращенные зависели исключительно от султана. Тем не менее, хотя прекращение отношений со средой происхождения обеспечивало фундаментальный разрыв между официальными лицами из девширме и простыми подданными, многие источники свидетельствуют, что слугам удавалось сохранить память о родном языке и, сделав карьеру, возобновить отношения с семьей.

Империи

Долгая история Османской империи развивалась под влиянием разнообразных процессов, происходивших на многих территориях и во многие эпохи. Она началась с создания Османом средневекового государства и завершилась основанием Турецкой Республики в 1923 году. Османская империя остается единственным политическим образованием, сопоставимым по размаху с Римской империей и Византией. Гигантское монгольское государство, предавшее огню и мечу степи

в XIII веке,— это особый случай как по своим исключительным размерам, так и по продолжительности существования (всего семьдесят лет). Были и есть государства крупнее Османской империи, такие как Китай или Россия. Однако они были евразийскими. Османский султан в Новое время управлял самой обширной территорией, расположенной сразу на трех континентах (Европа, Азия, Африка). Тогда как в XVIII веке площадь султаната уменьшалась, на пяти континентах создавалась другая империя, ставшая самой крупной и густонаселенной не только в современной истории, но и в целом в истории человечества. Вероятно, интереснее, чем вопрос «почему?», вопрос «как?».

Почему Британия? Этим вопросом задается Н. Фергюсон [10]. *Как Британия создала современный мир?* — продолжает он. Викторианский поэт А. Теннисон описал колониальные успехи Британии так: ее величество сумела «покорить волну». Эти слова отражают демографическую реальность: с начала XVII и до середины XX века Англия отправила за границу около двадцати миллионов своих граждан. В этом заключается первое отличие: Османская империя заселяла новые территории миграционными волнами, туркменскими или кавказскими. Второе отличие: ее территория расширялась за счет наземных завоеваний, а также многочисленных десантных операций (Эгейское море, Кипр, Крит). Так, в 1517 году Селим I не высадился в Египте: его армии продвигались вдоль Плодородного полумесяца теми же маршрутами, что и армии его предшественников Айюбидов и мамлюков. В 1521 году Сулейман не собирался завоевывать Алжир: Барбаросса предложил включить его в османский сюзеренитет.

Дальними османы считали йеменские берега, здесь они господствовали ограниченный период времени (с 1538 до 1636 года), рассчитывая закрыть Красное море для португальских кораблей. Безусловно, история Османской империи представляет собой постепенный переход от пиратства,

далекого от имперских замыслов, к непосредственно политической власти [11]. В XV веке султанские корабли подвергались нападению пиратов, свирепствовавших неподалеку от Лесбоса или Самоса, и при этом поддерживали флотилии корсаров, сражавшихся против их врагов. В XVI веке под османскими знаменами объединились корсарские государства, «варварские регентства» — так западные авторы того времени обозначали прибрежные районы Магриба, откуда корсары и пираты совершали налеты в Средиземном море. Но прежде всего расширение территории империи происходило силами вспомогательных корпусов — провинциальной кавалерии и пехоты (янычар), которые сражались за добычу.

Еще одно отличие. В 1815 году Великобритания владела 43 колониями и являлась колониальной империей с заморскими территориями. Османская империя оставалась континентальным государством, расширение которого происходило за счет близлежащих земель. Одни специалисты сравнивают ее с Китайской империей Цин и Россией времен Романовых. Другие задаются вопросом: была ли вообще Османская империя колониальной? Эти исследователи отмечают существование некой цивилизаторской миссии, обязательной по отношению к регионам, опустившимся, как сообщалось в отчетах, до «состояния дикости и кочевничества» [12]. Следует, однако, отметить: такие представления бытовали среди ограниченного числа служащих администрации в самом конце османской эпохи (с 1880-х годов); не существовало единого мнения об управлении территориями, считавшимися колониальными (отвоєванный в 1871–1872 годах Йемен, покоренная во второй половине XIX века Триполитания, арабские провинции в целом); политика дифференциации и дискриминации фактически совпадает с политикой, преобладающей в других провинциях [13]. И современные исследования продолжают задаваться вопросом об области ее применения. При этом для эпохи Нового времени установлено, что этни-

ческие различия преобладали в завоеванных обществах, особенно в арабских регионах империи; подчиненные понимали, что ими управляют чужаки. Исследования предлагают определить место Османской империи в истории тюркских народов прошлого и настоящего.

Тюрки и османы

Западные христиане («франки», как их называли османы), бывавшие в Османской империи, называли ее страной турок или тюрков. Однако слова «тюркский» и «османский» — разные понятия.

Понятие «тюркский» возникло в отдаленных степных районах эпохи раннего Средневековья. Оно встречается в китайских анналах середины VI века и появляется в письменных источниках Тюркского каганата (середина VI — середина VIII веков), датируемых первой половиной VIII века и обнаруженных в долине Орхона, к югу от озера Байкал. Это же понятие используется в арабских источниках X века. Им обозначают разные народы, в то время населявшие обширные степи от западных склонов Алтая до низовьев Волги, к югу от сибирских лесов. Все они постепенно переходили в ислам. В частности, «тюрками» называли солдат рабского происхождения, находившихся на службе Делийского (1210–1398) или Мамлюкского султанатов Египта и Сирии (1250–1517). В Европе слово *Tourkia* (греч. «территория турок») часто встречается в византийских источниках VIII–IX веков. Однако до X века термин использовался, когда речь шла о географической Венгрии и о «венграх» [14]. Лишь появление сельджуков на востоке закрепило его в современном значении. В XII–XIII веках генуэзские и венецианские купцы и дипломаты пользовались латинским и итальянским термином *Turchia*, перешедшим в несколько языков (*Turquie*, *Türkei*, *Turkey* и др.).

В эпоху Османской империи термин «турок» в основном использовался западными христианами: некий «Великий турок» упоминается в «Мещанине во дворянстве» (1670); французский ученый Гийом Постель в 1560 году в трактате «О государстве турок» [15] описал основные особенности империи, заложившие, по его мнению, основы военной и морской мощи. Понятием «Турция» описывали европейские и анатолийские владения султана. В полемическом христианском богословии турками называли мусульман — в сущности, в XVI веке оно заменило слово «сарацин». Во французском языке даже существует устаревшее выражение «стать турком», означавшее «обратиться в ислам». Турками мусульман называют и носители балканских языков. Немусульмане, проживавшие в империи, называли турками мусульман, тогда как за пределами империи и мусульмане, и представители других конфессий назывались турецкими подданными. В османской документации слово «турок» (*Türk, Etrak*) ассоциируется с сельскими жителями, крестьянами или же нарушителями порядка за пределами городов — центров развития империи [16]. При этом многие османы прекрасно знали, что их называют турками, и обозначали язык, на котором говорили, как турецкий (*türkçe*). Иногда они называли себя турками за пределами османских территорий. Так, в начале XVI века некоторые корсары называли себя турецкими, чтобы отличить себя от арабских корсаров, столкновения с которыми периодически происходили в Алжире.

Что касается термина «осман», он относится к истории непосредственно Османской империи. Во-первых, он подчеркивал принадлежность. Любой потомок Османа (ок. 1299–1324), сына Эртогрула, является османом (османлы; *osmanlı*, «потомок Османа»). За первым из беев следуют 35 правителей, унаследовавших титул по прямой линии. Преемственность была прервана единожды: в 1402–1413 годах молодое государство чуть было не исчезло под натиском Тамерлана в результате братоубийственной войны между наследниками.

Во-вторых, у термина «осман» есть и социально-политическое значение: осман (османлы, «связанный с османом») — это тот, кто служит государю, сражается за него, трудится на свое государство или способствует его славе.

Третье значение термина «осман», политическое и административное, относится к последнему периоду истории государства. Как некогда в Римской империи, смысл слова из обозначающего признак (проживание на одной территории, зависимость от власти суверена) трансформировался в политическую принадлежность: по национальному кодексу 1869 года османом являлся любой подданный султана, родившийся на территории Османской империи. Дети иностранцев могли претендовать на этот статус в течение трех лет после достижения совершеннолетия.

Говоря об османах в этой книге, я имею в виду первые два значения: султанов и людей, ведавших делами государства при нем или в провинциях. Однако, используя понятие «Османская империя», я вкладываю в него население и земли, находящиеся под властью Османа и его преемников. Удивительно, но люди, проживавшие на этих территориях, не называли свою страну империей до самого конца ее истории. То, что мы справедливо называем империей, соответствовало в лексиконе того времени либо политической власти, либо территории, «владениям, находившимся под защитой» (*memalik-i mahruse*) правителя, где действовал его закон и осуществлялась его власть. Следует отметить, что подобные характеристики несовместимы с понятием национального государства.

Население империи действительно было неоднородным и состояло из большого количества этнических групп, сменявших друг друга на протяжении веков: турки, албанцы, арабы, армяне, берберы, греки, венгры, курды, персы, румыны, славяне, татары и цыгане. К населению, захваченному во время набегов, добавились переселенцы из Средней Азии и Иранского нагорья (по большей части до XVI века), а также население,

бежавшее из Европы в результате войн и гонений. Известные как романиоты еврейские общины, говорящие на греческом языке, смешались сначала, после 1492 года, с испанскими евреями, а после, в конце XIX века, — с евреями из Центральной Европы и России. До периода турецкого национализма 1909–1918 годов государство не посягало на этническое разнообразие. Этнические меньшинства, каждое со своими особенностями и традициями, не смешивались друг с другом, а скорее сосуществовали в сельской местности или в городах. Впрочем, допуская вероятность добрососедских отношений и взаимного влияния религиозных верований, следует подчеркнуть, что браки оставались преимущественно эндогамными, а социализация осуществлялась прежде всего «среди своих».

Власть и закон

Османский ислам даже в большей степени, чем в предыдущих империях, являлся государственной религией. Его особенный статус подчеркивали два нововведения. Во-первых, османские кади, бывшие судьями в аббасидских или мамлюкских государствах, также приобрели статус государственных чиновников. Они удостоверяли нотариальные акты. В XV–XVI веках региональные органы управления действовали через сеть округов — каз (*kaza*) [17]. Во-вторых, они входили в иерархию религиозных сановников, ильмийе (*ilmiye*), выстроенную в соответствии со строгой шкалой рангов и денежных вознаграждений. Как и в остальном мусульманском мире, в Османской империи были улемы — ученые, прошедшие курс исламских наук и получившие знания в одной или нескольких дисциплинах. Но вопреки исламскому богословию, в середине XIV века духовенство было интегрировано в государственный аппарат. Муфтий Стамбула, шейх-уль-ислам (*şeyh ül-islam*) находился на вершине этой системы. С помощью двух «военных судей»

(один в западной части империи — Румелии, другой в восточной — Анатолии) он следил за применением закона и ведал назначениями на судебные должности. В XIV веке улемы могли стать великими визирями, а в XVII — сохраняли значительный политический вес.

Христиане и иудеи имели собственные суды. Однако торговля была подчинена исламскому закону. Неприкосновенность собственности, а также необходимость соблюдать письменные и устные договоры были закреплены в кодексе деловой этики. Основой политической системы был консенсус. Однако в этом не было ничего демократического: если местная знать занимала какие-либо должности, между правителями и управляемыми сохранялась строгая субординация. Впрочем, деспотизм также не являлся характерной чертой существовавшей системы: власть султана была ограничена шариатом, обусловлена потребностями времени и подчинена уважению традиции (*örf-i sultani*: законы, установленные предшественниками на благо общества). Существовало то, о чем заботился государь, — мири (*miri*; все, что находится во власти султана, начиная с доходов), а также то, что зависело от компетентных судов.

И все-таки главным вершителем правосудия как в самом благородном, так и в обыденном понимании был султан: ему случалось диктовать кади смертный приговор, который следовало привести в исполнение в том случае, если те сочтут обвиняемого виновным: в соответствии с законом лишь они были наделены подобными полномочиями. Кроме того, правитель обладал правом законодательной инициативы: мог издавать законы, действующие во время его правления. Первый в истории ислама задокументированный свод секулярных законов назывался канун. Его введение преобразило судебную систему: султан, учредивший его, вошел в историю под именем Законодателя (кануни); Впрочем, известен он как Сулейман Великолепный.

В собственных интересах, а также в интересах населения правитель обязан был не допускать, чтобы представители власти (*askeri*; аскери, живущие за счет налогов) притесняли подданных (*reaya*; райя, которые платили этот налог). В судебных грамотах XVI века центральная власть составляла для чиновников списки запрещенных поборов. Каждый подданный был волен обратиться к правосудию султана — чаще всего в этом случае султан передавал разбираемое дело местному судье; при этом султан поощрял рвение судьи, предлагая проверить факты и уладить дело. В своих заключениях и постановлениях с конца XIX до начала XX века Государственный совет, созданный в 1868 году, рассматривал жалобы граждан на злоупотребления представителей власти.

Политическая идеология сохраняла тесную связь с адабом (*adab* — арабское понятие, включающее в себя знание изящной литературы и соблюдение правил поведения), — комплексом моральных норм, закрепленным в обычаях и текстах [18]. Осуществление власти отождествлялось с устоявшимися ценностями — рациональностью и необходимостью, — усвоенными государственными чиновниками. Предполагалось, что султан прислушивается к авторитетным мнениям своих советников. Он стремился обеспечить общую безопасность на своей территории. Не желая оказаться низложенным, он должен был заручиться поддержкой исполнительных органов, а именно янычар — с 1421 года ни один претендент на престол не мог обойтись без их содействия. Султан следил за тем, чтобы чрезмерно высокие налоги не вызвали недовольство населения. Его чиновники умели быть прагматичными в подсчете налогов, поддержке производителей и распределении земли, товаров и ресурсов. Временами правительство султана без колебаний прибегало к жестокости, переселяя граждан, оно восстанавливало политический баланс или меняло демографию целых регионов. Современные черты паноптического государства власть султана приобрела лишь в самом конце своей истории.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

КоЛибри NonFiction

Буке Оливье

Великолепная Порта

Шесть веков Османской империи

Ответственный редактор М. Терехова
Выпускающий редактор Е. Солодовникова
Редактор П. Левина
Технический редактор Л. Синицына
Корректор С. Луконина
Компьютерная верстка К. Иванова

В оформлении обложки использован портрет Мехмеда II
(неизвестный автор, последователь Джентиле Беллини, начало XVI в.).

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.03.2025.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «CharterC, FranklinGothicITC».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,44.

Тираж 2000 экз. М-ВНИ-37590-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус»» в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа
Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.

Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.